

АФРИКАНСКИЙ РАКУРС УКРАИНСКОГО КРИЗИСА: КИТАЙСКИЕ ОЦЕНКИ И ДЕЙСТВИЯ

© 2023 О.Л. Фитуни

ФИТУНИ Ольга Леонидовна, научный сотрудник Центра изучения российско-африканских отношений и внешней политики стран Африки Института Африки РАН; Российская Федерация, 123001, Москва, ул. Спиридоновка, 30/1, e-mail: o-l-fit@yandex.ru

***Аннотация.** Статья посвящена рассмотрению оценок аналитическим сообществом КНР влияния украинского кризиса на развитие стран Африки, китайско-африканские отношения и взаимоотношения Пекина со странами Запада. Официальная позиция китайских властей относительно кризиса в целом была подробно изложена в распространенном в конце февраля 2023 г. документе под названием «Позиция Китая по политическому урегулированию украинского кризиса». Как свидетельствует проводимый в статье анализ, публикации китайских ученых и специалистов, касавшиеся африканского ракурса проблемы, вышедшие в основном до появления правительственного документа, касались почти исключительно аспектов влияния СВО на усиление продовольственного кризиса, разрыва глобальных цепочек создания стоимости и долговой проблемы. Они отражали довольно широкий спектр технических вопросов, однако в подавляющем большинстве не вскрывали глубинных основ и изначальных предпосылок возникших проблем, при этом вполне резонировали с западными объективистскими подходами к этим вопросам.*

***Ключевые слова:** КНР, Африка, СВО, продовольственный кризис, долговая проблема*

DOI: 10.31132/2412-5717-2023-62-1-14-27

В первую годовщину специальной военной операции на Украине (СВО) китайское государственное информационное агентство Синьхуа распространило документ [1] с изложением позиции Пекина по вопросу украинского кризиса и его урегулирования. Несмотря на то, что в течение всего первого года военных действий на Украине официальные представители КНР, включая самых высокопоставленных лиц, неоднократно делали как сжатые, так и более развернутые заявления по данной проблеме, указанный документ существенно отличался от остальных степенью структурирования и детализации темы. Он мгновенно вызвал оживленную реакцию на Западе и на Востоке.

Документ выделяет 12 пунктов, вокруг которых, формируется позиция Китая в вопросе не только собственно украинского кризиса, но и ряда общемировых проблем и взаимоотношений между государствами и народами, касаясь не в последнюю очередь и тем, жизненно важных для стран Африки.

Так, инициативы, идущие первыми в перечне пунктов, хотя и привязаны к конфликту на востоке Украины, объективно выходят за географические и военно-стратегические рамки кризиса и касаются фундаментальных принципов взаимоотношений между государствами. Подчеркивается, что страны должны уважать суверенитет всех государств и соблюдать общепризнанное международное право, которое подлежит равному и универсальному применению без двойных стандартов. Следует отбросить мышление холодной войны и не обеспечивать безопасность одного члена международного сообщества за счет безопасности другого [1].

Будучи общеприменимыми в мировых делах, в большей степени непосредственно украинского кризиса касаются призывы Пекина прекратить военные конфликты, запус-

тить мирные переговоры, ликвидировать гуманитарный кризис, защитить мирное население и пленных. И уже непосредственно из реалий хода военных действий марта 2022 – февраля 2023 гг. на Украине проистекает констатация необходимости обеспечить безопасность атомных электростанций, снизить стратегические риски, гарантировать вывоз зерна в рамках «черноморской инициативы» [см. 1, пп. 3–9]. В связи с последним из названных пунктов в распространенном документе акцентируется значимость выдвинутой Китаем годом раньше на балийском саммите G-20 Инициативы по международному сотрудничеству в области продовольственной безопасности.

Пункты 10–12 документа касаются вопросов, по сути имеющих прямое отношение к обеспечению интересов самого Пекина в сфере мировой экономики и роли Китая в формирующемся экономическом миропорядке. Речь идет об отмене односторонних санкций, обеспечении устойчивости и связанности мировой экономики и будущих восстановительных мерах. Десятый пункт содержит едва ли не самую категоричную формулировку во всем документе, поскольку в нем в безальтернативной форме содержится предупреждение Пекина: «Не допустим любых несанкционированных Советом Безопасности ООН односторонних ограничительных мер» [1].

ЦЕПОЧКИ ПРОИЗВОДСТВА И ПОСТАВОК

Негативное воздействие последствий украинского кризиса на устойчивость глобальных цепочек формирования стоимости и на связанность географически удаленных сегментов производства и сбыта продукции на сегодня, возможно, таит даже большую угрозу для утвержденных Пекином стратегических планов модернизации страны, чем собственно военная составляющая конфликта.

От обеспечения устойчивости глобальных цепочек производства и поставок в решающей степени зависит сохранение высоких темпов развития КНР, укрепление ее хозяйственного потенциала и мирохозяйственной значимости в ближайшее десятилетие. Эта устойчивость начала расшатываться «предковидной» антикитайской активностью администрации Д. Трампа, затем собственно пандемией COVID-19, изоляционистскими действиями правительств стран Запада в начале эпидемии и, наконец, последующим усилением глобальной стратегической нестабильности и конфронтационности.

В приведенном выше документе «Позиция Китая по политическому урегулированию украинского кризиса» Пекин особо выделяет ряд сфер, международное сотрудничество в которых особенно важно для преодоления последствий происходящего. Особо выделены, в частности, области энергетики, финансов, торговли зерном и логистики [1, п. 11]. Пекин анонсировал готовность содействовать восстановлению после завершения конфликта, оказывать помощь и играть конструктивную роль.

В отличие от стран и сил в мире, декларирующих стремление к реформированию миропорядка, а следовательно, неизбежно и действующей мировой экономической системы, КНР призывает защищать последнюю «практическими действиями, выступить против попыток политизировать мировую экономику, а также применять ее в качестве инструмента и оружия» [1, п. 11]. Ведь не действия Пекина, а именно политизация Киевом по указке Запада деловых связей с Китаем нарушила в 2022–2023 гг. весьма успешно развивавшиеся до этого экономические отношения Китая и Украины.

В последние годы двусторонняя торговля товарами между Китаем и Украиной быстро росла. По итогам 2021 г., согласно западным оценкам (китайской официальной статистики на эту дату в открытом доступе пока нет), экспорт из КНР на Украину приближался к \$9,8 млрд, а импорт – к \$9,4 млрд. Правда, удельный вес Украины (0,3%) во

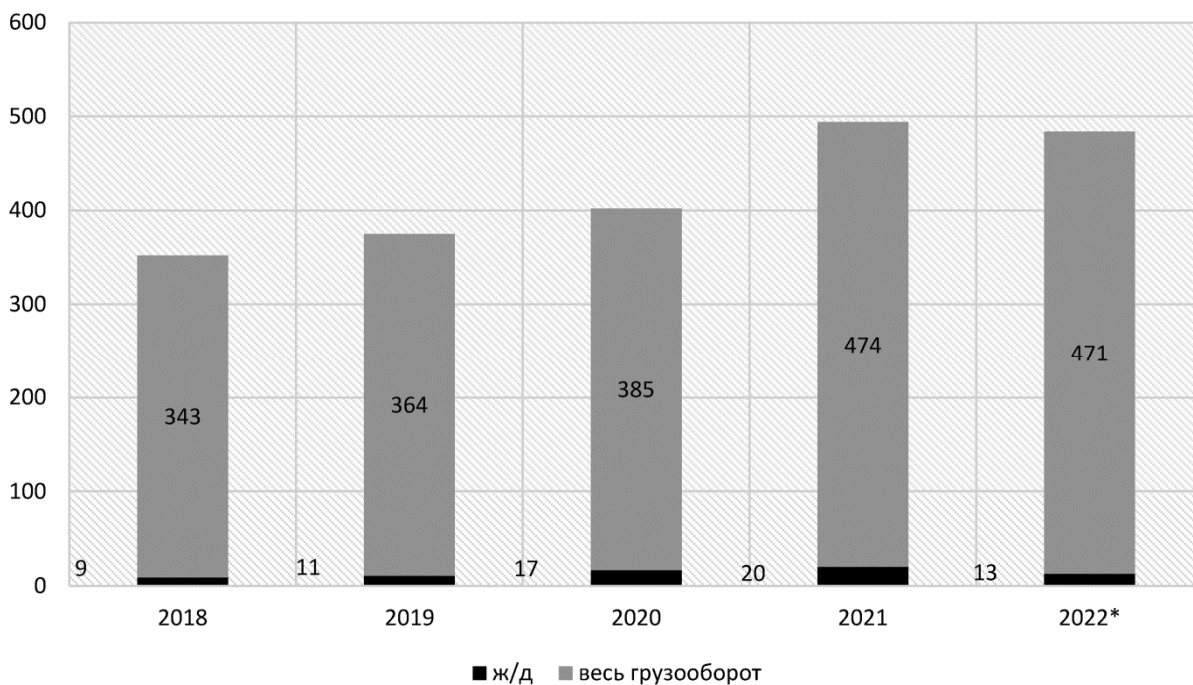
внешнеторговом обороте Китая все это время в целом оставался малозначительным. Напротив, накануне СВО на КНР приходилось до 15% всего внешнеторгового оборота Украины. Согласно официальным украинским публикациям, в 2021 г. КНР являлась первым по стоимости товарооборота (\$18,97 млрд) торговым партнером Киева, поставившим на Украину товаров на \$10,97 млрд (+31.9% по сравнению с 2020 г.) и закупившим украинской продукции на \$8,0 млрд (+12.7% к 2020 г.) [2].

Что касается структуры взаимной торговли, то в китайском экспорте на Украину преобладали потребительские товары (одежда, обувь, велосипеды, домашняя утварь и приспособления), электроника и бытовые изделия, некоторые виды станков, машин и оборудования, средства транспорта, продукция черной металлургии и каучук. Китай являлся крупным поставщиком лекарств (в частности, антибиотиков). В импорте КНР был высок удельный вес руд черных металлов, сельскохозяйственной продукции.

В 2020 г. до половины импорта сельскохозяйственной продукции Китая из Украины приходилось на зерновые (в основном, кукуруза, ячмень и пшеница). Сразу после начала российско-украинского конфликта в феврале 2022 г. импорт кукурузы в КНР из Украины по морю был заблокирован, и количество зерновых, в первую очередь кукурузы, импортируемых из Украины, значительно сократилось.

Единственный важный высокотехнологичный продукт, который Китай импортировал из Украины, – реактивные газотурбинные установки. До 2022 г. Китай закупал почти половину производимой в Украине железной руды, ячменя, реактивных турбин и растительных масел [3].

По данным Национального банка Украины, по состоянию на 31 декабря 2021 г. в украинскую экономику было привлечено \$111 млн прямых инвестиций из Китая. Однако к маю 2022 г. этот показатель уменьшился на \$36,6 млн [2].



* 2022 г. – данные за январь–сентябрь.

Рис. 1. Оборот (по стоимости) железнодорожных поставок между КНР и ЕС по северному транзитному коридору Инициативы «Один пояс – один путь» в сравнении с общим грузооборотом в 2018–2022 гг. (млрд евро).

Источник: составлено автором на базе данных [4].

Украина активно встраивалась в китайский проект «Один пояс – один путь». В 2018 г. Китай открыл в Киеве торгово-инвестиционный центр инициативы «Пояс и путь», что стало провозвестником увеличения китайских корпоративных инвестиций, особенно в украинские порты. Например, китайский гигант пищевой промышленности *COFCO Group* инвестировал \$50 млн в Мариупольский порт, обещав утроить его грузооборот. Китай также наладил прямое железнодорожное сообщение с Украиной. С июля 2020 г. еженедельно курсировал контейнерный поезд между Уханем и Киевом. Второй регулярный маршрут контейнерных поездов связавший провинцию Гуандун с портом Южный под Одессой был открыт в июне 2021 г.

Пекин связывал с Украиной планы оптимизации логистических цепочек Китая с целевыми емкими и высоко платежеспособными рынками в Европе, в первую очередь Евросоюза. Например, контейнерному поезду при стандартной загрузке (45–50 контейнеров) в среднем требуется 16–20 дней, чтобы преодолеть путь от Уханя (КНР) до Дуйсбурга (ФРГ) [3]. Кроме того, восточноевропейские страны, ориентированные на активный поиск внешних инвесторов, довольно охотно шли на расширение экономических связей с Пекином. Такие тренды хорошо вписывались в китайские программы экономического развития и модернизации. В 2022 г., несмотря на военные действия, северный транзитный коридор проекта «Один пояс – один путь» (через Россию, Украину, Белоруссию в страны ЕС) продолжал действовать (см. *рис. 1*).

Более того, согласно данным Европейского Союза, предоставленным агентству деловой информации *Bloomberg News*, поставки стратегического сырья – редкоземельных металлов, перевозимых из КНР в ЕС по этому маршруту через Россию, выросли за первые девять месяцев 2022 г. до 36 074 т., что более чем вдвое превышает объем, перевезенный за весь 2021 г. По стоимости же эта торговля выросла к сентябрю 2022 г. более чем на 80% до 377 млн евро (\$408 млн) [4] (см. *рис. 2*).

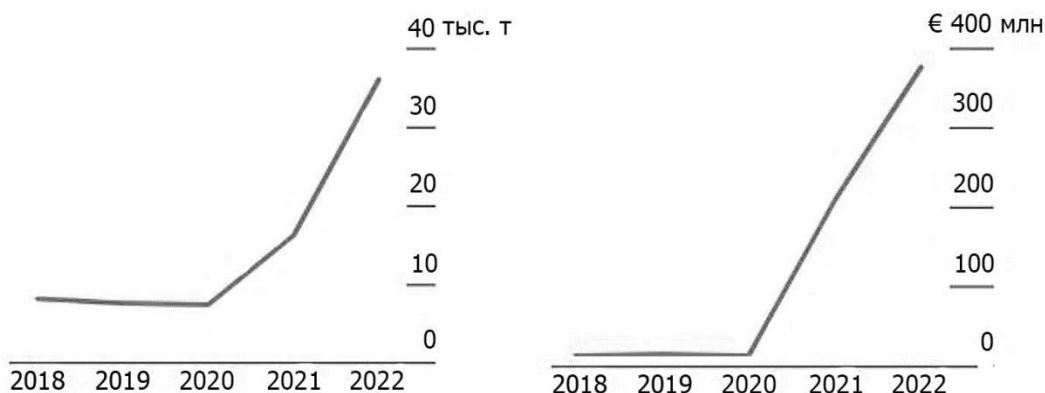


Рис. 2. Физические объемы и стоимость поставок редкоземельных металлов из КНР в ЕС по северному транзитному коридору Инициативы «Один пояс – один путь» (транзит через Россию, Украину, Белоруссию) в 2018–2022 гг.

Источник: [4]

После начала СВО деловые связи Пекина и Киева не прекратились, однако их объем и интенсивность зримо снизились. Это связано не только с военными действиями как таковыми, но и с возникшими логистическими затруднениями (ограниченные возможности украинских морских портов, проблемы с железнодорожным и автомобильным транзитом, возрастанием накладных расходов по страхованию, перегрузке, складированию и прочее). Не последнюю роль сыграла и тотальная зависимость Киева от указаний его западных «союзников», устремленных на сдерживание Китая, а значит и ог-

раничение его влияния по всему миру. Сильнейшим ударом по двусторонним отношениям в области инвестирования стал скандал с внесудебной экспроприацией Киевом по указке внешних кукловодов купленного китайцами актива – компании «Мотор Сич».

ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ АСПЕКТ

Многие из пунктов приведенного в начале статьи установочного китайского документа по позиции Пекина в отношении украинского кризиса принципиально важны для стран Африки. Китай, Россия и Запад стремятся привлечь на свою сторону влиятельную на мировой дипломатической арене группу африканских стран. Позиция последних по украинскому кризису чрезвычайно важна, поскольку служит наглядным индикатором того, на чьей стороне в этом конфликте стоят страны мирового большинства.

Не случайно поэтому острое информационного антироссийского воздействия в контексте украинского кризиса направлено Западом на страны континента. Учитывая в целом позитивное восприятие африканцами образа России и историческую память у народов континента о принципиально важном вкладе СССР в процесс деколонизации, страны Запада пытаются найти или искусственно сконструировать негативные нарративы, призванные омрачить российско-африканские отношения. Их цель – заставить страны Африки отказаться от дружеской к России или нейтральной позиции в украинском вопросе.

Таблица 1. Доля РФ и Украины в поставках пшеницы в отдельные страны Африки

Страна	Зависимость от импорта из РФ (%)	Зависимость от импорта из Украины (%)
Египет	60	25
Судан	70	5
ДРК	52	17
Сенегал	49	16
Танзания	61	2
Республика Конго	61	–
Мадагаскар	50	25
Бенин	68	–
Ливия	21	40
Либерия	59	–
Руанда	58	–
Мавритания	10	40

Источник: [5, с. 3].

Аналогичным образом Запад пытается представить действия и экономическую политику КНР на континенте противоречащими интересам африканских народов. Целевой болезненной точкой Запад пытается сделать продовольственную проблему в Африке. Удар направляется сразу и против Российской Федерации, и против КНР, которых обвиняют в том, что действия обоих государств якобы привели к обострению продовольственного кризиса в мире. При этом намеренно замалчивается тот факт, что именно хаотичные и бездумные действия западных правительств в первые два года свирепствования пандемии *COVID-19* дезорганизовали мировую торговлю и финансо-

вые потоки. Это поставило в безвыходное положение многие беднейшие страны и ограничило им доступ в том числе к продовольственной помощи и рынкам сельхозпродукции.

Запад пытается уйти от напоминаний о первопричинах продовольственного коллапса и вести отсчет обострения ситуации от даты начала Специальной военной операции. В инфопространство был запущен ложный тезис о росте мировых цен на продовольствие по вине России и Китая. Еще с «доковидных» времен Запад обвинял Китай в массовой скупке продовольствия по всему миру, что якобы вело к росту цен на товарных рынках. РФ же была виновата в том, что она, блокировав украинские порты, не давала Киеву поставлять зерно в Африку. При этом замалчивается тот факт, что именно санкции Запада сделали почти невозможным вывоз его из России – куда более значимого поставщика зерновой продукции и удобрений на континент, где многие зависят от поставок как российской, так и украинской пшеницы, кукурузы и других видов продовольствия (см. *табл. 1*).

ИСТИННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ

Действительно ли СВО – единственная причина нынешнего обострения продовольственного кризиса на континенте? Для Африки продовольственная проблема и регулярные волны массового голода в отдельных районах и частях континента – не новое явление. В их основе лежат и природно-климатические факторы, и общая социально-экономическая отсталость, и нехватка средств и возможностей радикально изменить ситуацию. С углублением процесса глобализации все бóльшую роль стали играть внешние факторы: от изменения трендов мировой экономики и политики до ценовой волатильности на международных рынках.

Нынешний цикл углубления продовольственной проблемы на континенте начался со второй половины 2020 г., после того как напуганные пандемией правительства стран Запада стали физически сворачивать возможности межстрановых транспортных коммуникаций, безжалостно рвать устоявшиеся производственные и логистические цепочки и пытаться «лечить» свои впащие в кризис экономики резким увеличением денежной массы в обращении – разбрасывать, как тогда говорили, «вертолетные деньги».

Рост глобальной инфляции, вызванный пандемией и непродуманными действиями правительств развитых стран, вскоре распространился на экономики африканских государств, встроившиеся за годы глобализации в эти цепочки. «Дешевые» деньги, которые печатал Запад, но которые африканцам нужно было зарабатывать продажей реального товара, означали взлет цен на все, что закупается странами Африки на внешних рынках, в том числе на продовольствие, хотя, естественно, не только на него.

По данным ФАО ООН, на второй год пандемии более 20% населения Африки столкнулись с голодом, а «серьезную» нехватку продовольствия испытывали около четверти населения континента [6]. Другими словами, шло последовательное нарастание процесса, возникшего в год начала пандемии, за два года до объявления СВО (см. *табл. 2*).

Хаотические метания правительств стран «золотого миллиарда» привели к росту долгового бремени у государств Африки. В результате произошел отлив инвестиций из ценных бумаг «стран с возникающими рынками» в финансовые обязательства развитых государств. К марту 2020 г. сложились условия, когда, по мнению ведущих специалистов по развивающемуся миру, сильно закредитованным странам Юга обслуживать долг стало практически невозможно [7, с. 11]. Возросла вероятность дефолтов. Мировое сообщество стало искать возможности рефинансирования или реструктуризации

долга. Ряд инициатив был принят международными институтами глобального управления, включая G-20, Международным валютным фондом и Всемирным банком.

Таблица 2. Доля недоедающего населения в субрегионах Африки и регионах глобального Юга (%)

	2018 г.	2019 г.	2020 г.*	2021 г.*
Весь мир	7,7	8,0	9,3	9,8
Вся Африка	17,0	17,4	19,6	20,2
Северная Африка	5,5	5,4	5,9	6,9
Субсахарская Африка	19,6	20,1	22,7	23,2
Восточная Африка	26,6	27,5	30,2	29,8
Центральная Африка	27,3	28,1	30,4	32,8
Южная Африка	7,4	7,9	9,1	9,2
Западная Африка	10,6	10,4	13,2	13,9
Азия	7,1	7,4	8,6	9,1
Латинская Америка и Карибский бассейн	6,6	6,7	8,0	8,6

* Оценка.

Источник: [6].

Односторонних страновых инициатив было меньше. Действия Китая в этой связи оказались более масштабными, чем действия любой из стран Запада. Пекин списал долг 23 беднейшим странам мира, в том числе 17 африканским [8]. Облегчению бремени также служит последовательное расширение Пекином возможностей увеличения экспорта продукции африканских экономик в КНР. Учитывая, что основная часть экспортной продукции стран континента создается в первичном секторе, то речь идет в первую очередь об отраслях добывающей промышленности и сельского хозяйства. Рост экспортных доходов мог бы способствовать облегчению ситуации с внешним долгом африканских стран. За пятнадцать лет с 2006 г. по 2021 г. стоимость импорта продовольствия в Китай увеличилась почти в десять раз, с \$21 млрд до \$209 млрд. Это есть не что иное, как возросшие валютные доходы африканских стран от сотрудничества с Китаем.

Правда и этот рост закупок (а как следствие – рост валютных поступлений для африканских государств) был использован западной пропаганды для обвинений Пекина в усугублении продовольственного кризиса в Африке. Согласно этим обвинениям, Китай виноват в том, что сформировал у себя огромные запасы продовольствия, скупая его по всему миру. Здесь в ход идут явно манипулятивные статистические выкладки, в которых «сваливают в одну кучу» и уравнивают импортные потребности в продовольствии государства с 1,4 млрд человек населения и богатых стран (одного) «золотого миллиарда», забывая привести сравнительные данные по подушевым показателям потребления калорий и товарной структуре потребляемого продовольствия [см., например, 9].

КИТАЙСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Следует отметить, что китайские аналитики, особенно до выхода вышеупомянутого государственного документа относительно позиции КНР по украинскому кризису, в своих работах [см., например, 5; 10; 11], как правило, увязывали нынешний продовольствен-

ный кризис в Африке с украинскими событиями и редко обращались к первичным его истокам времен пандемии. Возможно, это происходило из-за нежелания лишней раз касаться достаточно деликатной для Пекина темы глобальных последствий *COVID-19*.

Характерны в этой связи оценки и формулировки группы ученых из Китайского сельскохозяйственного университета и Партшколы города Чунцин, которые в конце 2022 г. писали: «...российско-украинский конфликт спровоцировал нынешний виток продовольственных кризисов, что привело к дисбалансу между спросом и предложением продовольствия, энергии и удобрений и росту цен по всему миру. ... Это привело к цепной реакции и ускоренному проникновению внешних сил на Ближний Восток и в Африку, сильно повлияло на социальную стабильность и устойчивое развитие на Ближнем Востоке и в Африке и оказало глубокое влияние на глобальную цепочку поставок продовольствия, торговлю сельскохозяйственной продукцией и модели инвестирования» [5, с. 15–16].

Менее прямолинейная и однобокая оценка содержится в статье сотрудницы Института Западной Азии и Африки Китайской академии общественных наук (Китайско-африканского исследовательского института) Чжан Мэнъин [10]. Она упоминает ряд объективных предпосылок продовольственного кризиса, отмечая, что в последние годы экстремальные погодные условия, стихийные бедствия и пандемия *COVID-19* поставили под угрозу продовольственную систему Африки, создав дефицит продуктов питания. Но подчеркивает, что поскольку Россия и Украина являются основными поставщиками продовольствия для многих африканских стран, с февраля 2022 г. российско-украинский конфликт усугубил проблему продовольственной безопасности Африки. Автор утверждает, что продолжающийся конфликт вносит неопределенность в вопрос продовольственной безопасности на континенте. Это, по ее мнению, не только угрожает цепочкам поставок продовольствия и покупательной способности населения, но и ставит под угрозу продовольственную помощь международного сообщества, усугубляет социальную нестабильность в африканских странах [10].

Как мы видим, в интерпретации причин и последствий текущего продовольственного кризиса многие китайские исследования совпадают в подаче и интерпретации материала с западными тезисами. Последние на первый взгляд выглядят объективными, но на деле сводятся лишь к фиксации текущих показателей и событий, часто не содержат полноценного самостоятельного анализа фундаментальных первопричин и всего спектра взаимосвязей. Характерно, что в ряду факторов, способствовавших возникновению и обострению ситуации на Украине и, как следствие, созданию кризисной ситуации с международными поставками зерна, крайне редко анализируется агрессивная политика США и их сателлитов, направленная сначала на разжигание, а потом и на эскалацию конфликта.

Как отмечалось в предшествующих публикациях нашего журнала, «в настоящее время основное бремя африканских исследований в КНР легло на плечи так называемого четвертого поколения китайских африканистов. В отличие от своих предшественников они практически все получили качественное специализированное университетское образование, часть из них – за рубежом» [12]. Возможно, активное воспроизведение западных тезисов является одним из следствий такой подготовки молодых исследователей.

Конечно, китайская аналитика характеризуется значимыми различиями в качестве рассмотрения проблемы, в степени ее понимания и в предлагаемых решениях. Например, упомянутая статья Чжан Мэнъин не ограничивается перечислением фактов и цитат из западных источников, но содержит некоторые предложения по преодолению африканскими странами «структурных и внезапных рисков», по ближне- и долгосрочной государственной инвестиционной политике, относительно развития «умного» сельско-

го хозяйства, оптимизации спроса на продовольствие и цепочек поставок, а также сотрудничества Юг-Юг [10, с. 63–66]. Автор в конечном итоге связывает повышение уровня продовольственной безопасности в странах Африки именно с этими действиями и шагами африканских правительств, а не сводит все к вопросу прекращения конфликта на Украине.

Что касается анализа проблематики бремени внешнего долга для стран Африки как в привязке к украинскому кризису, так и безотносительно него, то здесь пик китайских научных публикаций пришелся на первые два года вспышки пандемии *COVID-19* и несколько спал в 2022 г., когда на Западе форсировали пропагандистскую кампанию о китайской «долговой ловушке» для Африки. Россия в этом плане оказалась в меньшей мере под огнем критики в силу того, что объемы африканского долга перед РФ, остаются мизерными по мировым меркам, после того как в начале 2000-х гг. Москвой были списаны более \$20 млрд. долга Советскому Союзу беднейших стран континента [13, с. 12]. Что касается объема долговых требований КНР на Африку, то ведущий российский специалист по китайско-африканским отношениям Т.Л. Дейч пишет о сумме задолженности стран Африки южнее Сахары в 2020 г. в \$702 млрд, по сравнению с \$305 млрд в 2010 г., уточняя, что «китайские займы странам континента по состоянию на 2021 г. превысили \$140 млрд, что утяжелило их долговое бремя» [14, с. 53].

С началом СВО Запад резко усилил критику этого аспекта китайско-африканских отношений, рассчитывая тем самым «убить двух зайцев». Обострение долговой проблемы увязывается с одной стороны с «хищнической политикой» КНР на континенте, а с другой – с ростом цен на продовольствие, в котором, как показано выше в статье, якобы виноваты и Россия, и Китай. Особенно много усилий было брошено Западом в 2022 г. на раскручивание и «разоблачение» так называемого Замбийского кейса, резонанс от которого прозвучал и в российской научной печати [см., например, 14, с. 53].

Однако в отличие от подходов к интерпретации причин продовольственного кризиса в ряде стран Африки и роли в нем СВО, при анализе второго распространяемого Западом мифа о виновности России и КНР в бедах африканцев – росте для них бремени внешней задолженности – китайские аналитики, в своей массе, оказались склонны к более доскональному и всестороннему исследованию предпосылок, причин, предыстории и истинной картины вопроса [15–19].

Так, в недавней статье научного сотрудника Института Западной Азии и Африки КАОН Юань У [15] четко структурированы и научно обоснованы причины замбийского долгового кризиса. Китайский ученый статистически анализирует структуру источников внешнего долга страны (международные многосторонние финансовые учреждения – 24%; частные кредиты в основном из западных стран – 46%, китайские кредиты – около 30%). Далее он на цифрах показывает, что резкий рост задолженности страны происходит по мере углубления глобального кризиса, вызванного пандемией *COVID-19*.

Юань У также выделяет глубинные причины, приведшие к нынешней ситуации. Коренные причины долгового кризиса Замбии в основном заключаются в следующих аспектах. Во-первых, переход Замбии в 2011 г. из ооновской категории стран с «низким уровнем дохода» к более высокому уровню государств с «доходами ниже среднего», не позволил стране получать кредиты у Международная ассоциация развития (МАР) Всемирного банка и Африканского фонда развития по самой низкой базовой ставке. Лусаке теперь надлежало создавать смешанный портфель заимствований, включавший более рыночно ориентированные финансовые инструменты.

Во-вторых, поскольку Замбия не могла более получать льготные кредиты от международных финансовых учреждений, страна начала привлекать средства для развития из Китая и с европейского рынка облигаций. В 2012 г. по примеру ряда других африкан-

ских государств Замбия впервые приняла решение о привлечении средств на рынке еврооблигаций по коммерческим процентным ставкам. После успешного размещения трех выпусков государственных облигаций, Замбия заняла в общей сложности \$3 млрд и должна была с 2022 г. начать возвращать кредиторам в значительных объемах основную сумму долга (до этого выплачивались проценты). По сообщениям зарубежных СМИ, доходы частных лиц на Западе от такого кредитования более чем в два раза превышают доходы Китая по замбийскому долгу [15].

Разразившаяся пандемия *COVID-19* усугубила ситуацию. В условиях глобального экономического спада и по мере роста различного рода рисков (не только финансовых) международные кредиторы начали ужесточать условия кредитования, и Замбия не смогла более получать финансирование на международном рынке, что привело к разрыву цепочек движения капитала и инвестирования. В июле 2020 г. Замбия заявила, что не может погасить кредиты, и разразился замбийский долговой кризис.

Анализ китайского исследователя выходит на уровень больших геополитических и макроэкономических обобщений, указывая, что страны Запада всегда использовали Африку как геополитическое поле битвы для конкуренции с Китаем; пытаются заставить Китай играть по западным правилам и необоснованно требуют от КНР еще больших уступок и, как следствие, убытков.

Китай серьезно отнесся как к обвинениям в свой адрес, так и к необходимости облегчить африканским партнерам долговое бремя. Была развернута масштабная информационная кампания по разъяснению реального положения дел и по пропаганде практических действий Пекина в интересах облегчения ситуации с выплатой долгов африканскими странами. К работе были подключены научное сообщество и некоммерческие организации в Китае и за рубежом. В мировую информационную повестку стали внедряться результаты их исследований, которые доказывали, что на китайских кредиторов приходится лишь 12% внешнего долга африканских стран, в то время как на западных частных кредиторов – 35%. Средняя процентная ставка по этим частным кредитам составляет 5% по сравнению с 2,7% по кредитам от китайских государственных и частных кредиторов. Одновременно проводилась мысль, что важны не цифры задолженности сами по себе, а то, на что расходуются заемные средства и какой дают эффект с точки зрения устойчивого развития страны.

ВЫВОДЫ

Для верного понимания позиции Китая важно не забывать, что, играя в целом конструктивную роль на мировой арене, КНР прежде всего ориентируется на собственную интерпретацию и оценку происходящих в нем процессов, в первую очередь – на собственное видение национальных интересов, которые страна последовательно и неотступно отстаивает и реализует. Как представляется, по крайней мере на сегодняшний день сохранение мира и относительной устойчивости современного баланса сил и предсказуемости в мировой экономике для Пекина – главный приоритет. Он рассматривается в качестве залога продолжения поступательного, без резких рывков и катаклизмов, продолжения роста мощи и могущества Пекина.

Развивающиеся страны – важный политический и экономический резерв КНР на этом пути. Ухудшение состояния их экономик в условиях, когда Запад явно сворачивает связи с Китаем и ориентируется на его сдерживание, существенно сократило бы возможности развития страны по избранному экономическому курсу.

Продовольственный вопрос – одна из ключевых проблем для многих развивающихся стран. Пекин прилагает большие усилия для облегчения кризиса в этой сфере. Они в

основном касаются двустороннего и многостороннего сотрудничества в данной области по линии Юг–Юг. Китай вместе с рядом других развивающихся стран создает зоны сельскохозяйственного сотрудничества и налаживает сельскохозяйственные научно-технические контакты с более чем 140 странами. За первую половину 2022 г. Китай также предоставил развивающимся странам более 15 тыс. т. экстренной гуманитарной продовольственной помощи.

Поэтому стабильность на рынках продовольствия и отсутствие кризисов в продовольственной сфере важны не только как ключевой элемент отношений Китая со странами Юга, но и для его внутреннего развития, обеспечения условий для реализации намеченных 20-м Всекитайским съездом Коммунистической партии Китая планов «модернизация в китайском стиле».

Все это говорит о том, что Пекину, так же как и Западу, сегодня важно максимально возможное наполнение мирового рынка продовольствия товарной массой, что неизбежно привело бы к его насыщению и снижению мировых цен на импортное продовольствие. В то же время у Запада, в отличие от КНР, более приоритетным, чем удешевление продовольствия, сегодня оказывается нанесение стратегического поражения России, для чего в ход идет и воспрепятствование российскому продовольственному экспорту, который является важным источником валютных поступлений страны.

Суть и продовольственного кризиса, и долгового бремени Африки – это вопросы развития. Чтобы решить долговую проблему, недостаточно устранить ее наиболее острые внешние проявления с помощью управления задолженностью или другими технократическими приемами. Нужно преодолеть ее фундаментальные причины, укрепить потенциал независимого и устойчивого развития Африки. Финансовое сотрудничество Китая с Африкой в основном включает строительство инфраструктуры и производственных отраслей с упором на улучшение возможностей Африки для независимого и устойчивого развития. Продовольственная проблема может быть решена на путях интенсификации сельского хозяйства, внедрения в отрасль передовых технологий. В обоих случаях Китай предлагает Африке ряд конкретных практических решений.

ИСТОЧНИКИ

1. Позиция Китая по политическому урегулированию украинского кризиса. *Синьхуа*. <https://russian.news.cn/20230224/f4d3ed8134da42d9a6004f69830005e5/c.html> (дата обращения 27.02.2023)
2. Trade and Economic Cooperation. <https://china.mfa.gov.ua/en/partnership/economic-cooperation-en/trade-and-investments> (дата обращения 20.02.2023)
3. China's imports from Ukraine quadrupled over the past four years. https://www.bofit.fi/en/monitoring/weekly/2022/vw202208_3/ (дата обращения 17.02.2023)
4. How Europe needs freight trains to cross Russia from China. *Bloomberg Special*. 22 January 2023. <https://www.tbsnews.net/bloomberg-special/how-europe-needs-freight-trains-cross-russia-china-572266> (дата обращения 20.02.2023)
5. 李董林., 李春顶, 蔡礼辉. 俄乌冲突局势下中东和非洲的粮食安全问题: 特征、影响和治理路径 // 中国农业大学学报 2022 Li Donglin, Li Chunding, Cai Lihui. Food security in the Middle East and Africa under the context of the Russia-Ukraine conflict: Characteristics, implications and governance paths. *Journal of China Agricultural University*. 2022, т. 27 (12), с. 15–27 (на кит. яз.).
6. FAO. The state of food security and nutrition in the world 2022. <https://www.fao.org/3/cc0639en/online/sofi-2022/food-security-nutrition-indicators.html> (дата обращения 17.02.2023)
7. Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Развивающиеся страны в политической экономии посткоронавирусного мира. *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. № 9, с. 5–14.

8. 关于非洲债务，美国故意歪曲的三大真相。(Three truths about Africa's debt the U.S. deliberately distorts). http://www.news.cn/world/2023-02/10/c_1129353394.htm (на кит. яз.) (дата обращения 15.02.2023)
9. Watanabe, Shin and Aiko Munakata. China hoards over half the world's grain, pushing up global prices. *Nikkei Asia*. 23.12. 2021. <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Datawatch/China-hoards-over-half-the-world-s-grain-pushing-up-global-prices> (дата обращения 22.12.2022)
10. 张梦颖. 俄乌冲突背景下非洲粮食安全的困境//西亚非洲 Zhang M Y. Africa's food security dilemma in the context of Russia-Ukraine conflict. *West Asia and Africa*, 2022. №4, с. 51–66, 157 (на кит.яз.).
11. 易小准, 李晓, 盛斌, 杨宏伟, 曹宝明, 徐坡岭. 俄乌冲突对国际经贸格局的影响。// 国际经济评论, 2022(3): Pp.9-37, 4 Yi X.Z., Li X., Sheng B., Yang H. W., Cao B.M., Xu P.L. Impact of Russia-Ukraine conflict on international economic and trade landscape, *International Economic Review*, 2022. № 3, с. 9–37, 4 (на кит. яз.).
12. Фитуни О.Л. Вклад африканистики современного Китая в продвижение национальных интересов на африканском направлении. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2021. № 3(56), с. 5–17.
13. Абрамова И.О. Дефрагментация модели участия Африки в мировой экономике: анализ системы внешних факторов. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2015. № 3(34), с. 10–20.
14. Дейч Т.Л. Экономические связи Китая с Африкой: проблемы и перспективы. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 7, с. 48–56.
15. 袁武. 西方国家应该对赞比亚债务危机负主要责任 Yuan Wu. Western countries should bear the main responsibility for Zambia's debt crisis. <https://china.chinadaily.com.cn/a/202302/11/WS63e79677a3102ada8b22e9bf.html> (на кит. яз.) (дата обращения 15.02.2023)
16. 肖皓, 张鸿, 董一欣, 林婕. 主权债务违约风险谁之过: 来自非洲的证据 // 金融经济 2022年第8期 20–28, 共9页 Xiao Hao , Zhang Hong , Dong Yixin , Lin Jie. Who is to blame for sovereign debt default risk: Evidence from Africa. *Financial Economics*, 2022. № 8, с. 20–28. (на кит.яз.)
17. 王金强, 黄梅波, 崔文星. 新冠肺炎疫情下全球主权债务治理困境及其应对分析 // 国际经济评论, Wang Jinqiang, Huang Meibo, Cui Wenxing. Analysis on the Dilemma of Global Sovereign Debt Governance and its Responses under the COVID-19 Epidemic. *International Economic Review*, 2021. № 4, с. 32–50. (на кит.яз.)
18. 周玉渊. 中国在非洲债务问题的争论与真相// 西亚非洲, 2020 (1) Zhou Yuyuan.The Controversy and Truth of China's Debt Issue in Africa. *West Asia and Africa* 2020. № 1, с. 3–26 (на кит.яз.)
19. 刘晨, 葛顺奇. 中国贷款与非洲债务可持续性: 现实与前景 // 国际经济评论, Liu Chen, Ge Shunqi. China's Loans and Africa's Debt Sustainability: Realities and Prospects. *International Economic Review*, 2022. № 4, с. 134–158 (на кит. яз.).

AFRICAN PERSPECTIVE OF THE UKRAINIAN CRISIS: ASSESSMENTS AND ACTIONS FROM CHINA

© 2023 Olga Fituni

FITUNI Olga L., Research Fellow of the Institute for African Studies, RAS. Russian Federation, 123001, Moscow, Spiridonovka str., 30/1, e-mail: o-l-fit@yandex.ru

Abstract. *The article is devoted to the assessment by the PRC analytical community of the impact of the Ukrainian crisis on the development of African countries, China-Africa relations and relations between Beijing and Western countries. The overall official position of the Chinese authorities regarding the crisis was detailed in a document distributed at the end of February 2023 entitled "China's position on the political settlement of the Ukrainian crisis." The publications of Chinese scientists and analysts concerning the African perspective of the problem, which were published mainly before the advent of the Government paper, dealt almost exclusively with aspects of the influence of the Special Military Operation on the intensification of the food crisis, the disruption of global value chains and the debt problem. They dealt with a fairly wide range of technical issues, but in the overwhelming majority they did not reveal the deep foundations and initial prerequisites for the problems that had arisen. At the same time they closely resonated with Western objectivist approaches to these issues.*

Keywords: PRC, Africa, NWO, food crisis, debt problem

DOI: 10.31132/2412-5717-2023-62-1-14-27

REFERENCES

- Abramova I.O. Defragmenting the model of Africa's participation in the world economy: Analysis of the system of external factors. *Journal of the Institute for African Studies*. 2015. № 3(34), pp. 10–20.
- China's imports from Ukraine quadrupled over the past four years. https://www.bofit.fi/en/monitoring/weekly/2022/vw202208_3/ (accessed 17.02.2023)
- China's position on political settlement of the Ukrainian crisis (Xinhua) <https://russian.news.cn/20230224/f4d3ed8134da42d9a6004f69830005e5/c.html> (In Russ.) (accessed 27.02.2023)
- Deych T. L. China-Africa economic ties: Problems and outlooks. *Asia and Africa Today*. 2022. № 7, pp. 48–56.
- FAO. The state of food security and nutrition in the world 2022. <https://www.fao.org/3/cc0639en/online/sofi-2022/food-security-nutrition-indicators.html> (accessed 17.02.2023)
- Fituni L.L., Abramova I.O. The developing countries in the political economy of the post-COVID world. *World Economy and International Relations* (in Russian)
- Fituni O.L. The contribution of modern Chinese African studies to the promotion of national interests in the African direction. *Journal of the Institute for African Studies*. 2021. № 3 (56), pp. 5–17 (in Russ.).
- How Europe needs freight trains to cross Russia from China. *Bloomberg Special*. 22 January 2023. <https://www.tbsnews.net/bloomberg-special/how-europe-needs-freight-trains-cross-russia-china-572266> (accessed 20.02.2023)
- Trade and Economic Cooperation. <https://china.mfa.gov.ua/en/partnership/economic-cooperation-en/trade-and-investments> (accessed 20.02.2023)
- Watanabe, Shin and Aiko Munakata. China hoards over half the world's grain, pushing up global prices. *Nikkei Asia*. 23.12. 2021. <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Datawatch/China-hoards-over-half-the-world-s-grain-pushing-up-global-prices> (accessed 22.12.2022)

- 关于非洲债务，美国故意歪曲的三大真相. (Three truths about Africa's debt the U.S. deliberately distorts) http://www.news.cn/world/2023-02/10/c_1129353394.htm (in Chinese) (accessed 22.02.2022)
- 刘晨, 葛顺奇. 中国贷款与非洲债务可持续性: 现实与前景 // 国际经济评论 Liu Chen, Ge Shunqi. China's Loans and Africa's Debt Sustainability: Realities and Prospects. *International Economic Review*, 2022. №4, pp. 134–158 (in Chinese).
- 周玉渊. 中国在非洲债务问题的争论与真相// 西亚非洲, Zhou Yuyuan. The Controversy and Truth of China's Debt Issue in Africa. *West Asia and Africa* 2020. № 1, pp. 3–26 (in Chinese).
- 张梦颖. 俄乌冲突背景下非洲粮食安全的困境// 西亚非洲, 2022(4) : 51-66, 157
- Zhang M Y. Africa's food security dilemma in the context of Russia-Ukraine conflict. *West Asia and Africa*, 2022. № 4, pp. 51–66, 157 (in Chinese)
- 易小准, 李晓, 盛斌, 杨宏伟, 曹宝明, 徐坡岭. 俄乌冲突对国际经贸格局的影响 // 国际经济评论, Yi X.Z., Li X., Sheng B., Yang H. W., Cao B.M., Xu P.L. Impact of Russia-Ukraine conflict on international economic and trade landscape, *International Economic Review*, 2022. № 3, pp. 9–37, 4 (in Chinese)
- 李董林., 李春顶, 蔡礼辉. 俄乌冲突局势下中东和非洲的粮食安全问题: 特征、影响和治理路径 // 中国农业大学学报 Li Donglin, Li Chunding, Cai Lihui. Food security in the Middle East and Africa under the context of the Russia-Ukraine conflict: Characteristics, implications and governance paths. *Journal of China Agricultural University*. 2022, v. 27. (12), pp. 15–27 (in Chinese).
- 王金强, 黄梅波, 崔文星. 新冠肺炎疫情下全球主权债务治理困境及其应对分析// 国际经济评论 Wang Jinqiang, Huang Meibo, Cui Wenxing. Analysis on the Dilemma of Global Sovereign Debt Governance and Its Responses under the COVID-19 Epidemic. *International Economic Review*, 2021. № 4, pp. 32–50 (in Chinese).
- 肖皓, 张鸿, 董一欣, 林婕. 主权债务违约风险谁之过: 来自非洲的证据// 金融经济 Xiao Hao, Zhang Hong, Dong Yixin, Lin Jie. Who is to blame for sovereign debt default risk: Evidence from Africa. *Financial Economics*, 2022. № 8, pp. 20–28 (in Chinese).
- 袁武. 西方国家应该对赞比亚债务危机负主要责任 Yuan Wu. Western countries should bear the main responsibility for Zambia's debt crisis. <https://china.chinadaily.com.cn/a/202302/11/WS63e79677a3102ada8b22e9bf.html> (in Chinese) (accessed 15.02.2023)